

М. П. Рахманова

С. В. Смоленский: к изучению материалов Афонской экспедиции

Аннотация: Статья посвящена состоянию изучения научного и эпистолярного наследия крупнейшего русского ученого-палеографа и выдающегося деятеля русской музыкальной культуры С. В. Смоленского. Основное внимание уделяется анализу материалов Афонской экспедиции, прошедшей под руководством Смоленского в 1906 году под эгидой Общества любителей древней письменности.

Ключевые слова: С. В. Смоленский, Общество любителей древней письменности, русские певческие рукописи, греческие нотированные рукописи.

М. P. Rakhmanova

S. V. Smolenskiy: the study of materials Athos expedition

Abstract: The article is devoted to the study of science and epistolary heritage of the greatest Russian scientist-paleographer and outstanding figure of Russian musical culture S.V. Smolenskiy. It focuses on the analysis of materials Athos expedition, which took place under the direction of Smolenskiy in 1906 under the auspices of the Society of Lovers of Ancient Literature.

Key words: S.V. Smolenskiy, the Society of Lovers of Ancient Literature, Russian choral manuscripts, notirovannye Greek manuscripts.

Степан Васильевич Смоленский был, как известно, крупнейшим русским ученым и выдающимся деятелем русской музыкальной культуры. Случилось так, что долгие годы его обширное наследие было мало известно, во многом потому, что Смоленский, талантливый публицист и великолепный писатель, оставил сравнительно немного опубликованных больших работ и ни одной «итоговой» книги. Отчасти это было связано с широким размахом его практической деятельности — как педагога, как регента, наконец, как духовного композитора — во все периоды его жизни. Отчасти же отсутствие «итогов» объясняется убеждениями Смоленского, с колоссальным уважением относившегося к науке как таковой и с необычайной тщательностью исследовавшего все источники, которые имели отношение к избираемым им темам. И наконец, поскольку русская певческая медиевистика, а также наука о русском церковном пении в его пору находились лишь в начале своего пути, то едва ли не самую весомую долю архива Смоленского составляют подготовительные материалы к очень широко задуманным исследова-

ниям, — материалы, сами по себе до сих пор представляющие очень высокую ценность: разного рода каталоги, описания рукописей, сравнительные изложения по рукописям песнопений едва ли не всех эпох и стилей. Почти столь же весома была до последнего времени и доля неопубликованных текстов Смоленского: это его воспоминания, дневники и письма к буквально необъятному кругу лиц, часто посвященные именно профессиональным проблемам.

Существенный сдвиг в освоении наследия Смоленского произошел в последние полтора десятилетия, когда целый ряд его работ был переиздан или впервые опубликован по рукописям в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», где Смоленский представлен буквально во всех вышедших к настоящему времени семи томах (десяти книгах). В первых двух томах, посвященных истории Синодального училища (в котором Смоленский успешнейшим образом директорствовал с 1889 по 1901 год), представлены работы Степана Васильевича московской поры. В третьем томе с подзаголовком «Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников» помещены его воспоминания о Д. В. Разумовском, а также ответ греческому протопсалту о родстве русского пения с греческим и его блистательная программная статья «Об оздоровлении программ духовных концертов в Москве». Четвертый том серии составляет публикация изумительных «Воспоминаний» Смоленского, посвятившего немало теплых страниц детству и молодости, Казани, жившим в ней людям. В пятом томе содержится большая переписка Смоленского с крупнейшим русским духовным композитором А. Д. Кастальским. Две книги шестого тома включают в себя переписку Смоленского с разными лицами — от обер-прокурора Св. Синода К. П. Победонос-

цева до юных учеников Синодального училища. Здесь же публикуется переписка с композиторами, учеными и регентами.

Наконец, только что вышел из печати седьмой том серии в двух книгах под названием «Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности (1906)».

Напомним основные факты. Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности 1906 года — выдающийся научный проект эпохи, а в области церковно-певческого искусства — проект уникальный, не повторенный в течение следующего столетия. Экспедиция превосходно документирована: в числе ее материалов присутствует масса официальных бумаг, писем, отчетов; подробный дневник руководителя (С. В. Смоленского); обширная личная переписка (главным образом самого Смоленского и его ближайшего сотрудника — выпускника Казанской духовной академии, А. В. Преображенского); публикации участников экспедиции в периодической печати. Особое место занимают фотоматериалы экспедиции, лишь немногие из которых являются «бытовыми» или «видовыми» снимками, сделанными во время поездки. Основная часть документов этого рода — фотокопии древнейших певческих рукописей из хранилищ афонских монастырей, а также библиотек Вены и Софии. Долгое время эта, последняя и самая важная — итоговая часть деятельности экспедиции, считалась утраченной (или почти утраченной). Ныне копии найдены, собраны из разных архивов и описаны. Таким образом, открывается возможность полного представления этого научного проекта.

Седьмой том, состоит из двух книг.

Первая книга — текстовая: в ней публикуются Афонский дневник С. В. Смоленского, многочисленные письма, связанные с подготовкой и проведением экспедиции, а также

обширные приложения, освещающие итоги экспедиции и осмысление ряда важных проблем (прежде всего — происхождения русского церковного пения) в отечественной науке в целом и, конечно, в трудах самого Смоленского (в том числе не публиковавшихся ранее). В качестве иллюстративного материала ко всему корпусу текстов даются: фотографии, помещенные Смоленским в рукопись Афонского дневника; факсимиле отдельных страниц из рукописи Дневника и других документов; фотографии упоминаемых в Дневнике лиц.

Вторая книга тома посвящена публикации снимков с афонских рукописей, сделанных с

привезенных экспедицией и ныне отставрированных стеклянных негативов. Поскольку публикация всей выявленной коллекции афонских снимков технически невозможна (1314 не повторяющихся по содержанию единиц, в том числе отпечатков на бумаге), авторы тома, исходя из интересов ученых, приняли решение публиковать именно материалы, хранящиеся в виде стеклянных негативов. Для удобства работы к воспроизведениям негативов прилагаются инципитные указатели по каждой рукописи и по типам книг.

Общий объем седьмого тома — около 110 печатных листов.

* * *

Как ныне хорошо известно, научные интересы Смоленского были всегда весьма широки, но с молодости он особенно интересовался вопросами происхождения русского церковного пения и его родственными связями с древним пением славянских православных народов, прежде всего сербов и болгар. Этот интерес восходит к казанским годам, когда Степан Васильевич, в то время педагог Учительской инородческой семинарии, сопереживая событиям русско-турецкой войны, едва не уехал на помощь братьям-славянам, а потом, пережив глубокий духовный кризис, определивший все его будущее, нашел другой выход своему патриотизму — стал изучать русское церковное пение и вскоре занялся древней певческой палеографией.

К казанским годам восходит и сама идея Афона как хранилища древнеславянской письменности. Посещавший Афон знаменитый славист, профессор Казанского университета Виктор Иванович Григорович входил в дружеский кружок отца Смоленского — фигура Григоровича неоднократно возни-

кает на страницах Воспоминаний Степана Васильевича.

Долгие годы созревавшая идея экспедиции на Афон за певческими книгами к весне 1906 года, наконец, обрела реальные очертания под эгидой Общества любителей древней письменности (далее ОЛДП), заведующим одного из отделов которого был тогда Смоленский. «Славянский» аспект проекта был усилен выходом в свет в 1905 году вдохновенного Смоленским и выполненного под его руководством издания Анастаса Николова «Староболгарское церковное пение» в двух выпусках. Это начинание имело не только искусствоведческий, но и политически-злободневный смысл, отвечающий политической обстановке в самой России рубежа XIX—XX вв.

Весьма актуальна для Смоленского как ученого была и «греческая» составляющая. Как раз в эти годы, после увольнения из Придворной капеллы в 1903 году, он сосредоточился на научной деятельности, причем особенно пристально занялся древнейшими эпохами русского церковного пения, в

частности, кондакарным знаменем, и на этом поле столкнулся с отсутствием (или, точнее, малым присутствием) «параллельных» русским по времени византийских материалов. Поскольку в ближайших планах второго отдела ОЛДП, который возглавлял Смоленский, стояло издание «Хрестоматии по древнему пению», где подразумевалось, прежде всего, изложение «греческих первообразов» древнейшего русского пения, подобное отсутствие делало невозможным осуществление Хрестоматии. Тормозилось и изучение загадочного кондакарного знамени, которое, появляясь в самых ранних русских певческих рукописях, таинственно исчезает в источниках последующей эпохи. Надо заметить, что и то, и другое составляет актуальные и не решенные до сих пор вопросы певческой медиэвистики. Все эти темы получили отражение в работах, помещенных в Приложение к седьмому тому: это не публиковавшийся ранее доклад в ОЛДП о задачах Хрестоматии и доклад о кондакарном знамени, напечатанный посмертно в «Русской музыкальной газете». Оба документа были написаны накануне экспедиции и имели своей целью обозначить задачи, решение которых экспедиция предполагала искать на Афоне.

Свою деятельность на Афоне экспедиция начала с объезда книгохранилищ тех монастырей, которые были отмечены в изученных перед поездкой материалах. И этот первый объезд принес разочарование: во-первых, оказалось, что проштудированные каталоги и описания ученых, не бывших музыкантами и певцами, далеки от точности, та или иная рукопись часто неверно датирована или атрибутирована. Во-вторых, выяснилось, что *древних славянских нотированных книг на Афоне нет*, причем, по верному выводу Смоленского, их не существовало и вообще по отношению к древнейшим эпохам. Поэтому при втором объезде монастырей тщательно и подробно копировались греческие нотирован-

ные рукописи той эпохи, когда византийское пение было перенесено на Русь. Всего было отобрано 12 рукописей: семь — из Лавры св. Афанасия, одна из библиотеки Андреевского скита, одна — Кутлумуша, одна — Ивера, одна — Ватопеда, одна — Есфигмена. В это собрание вошли все основные типы богослужбных книг X—XIV веков (Ирмологий, Октоих, Стихирарь, Триодь). Ученые старались также подбирать одни и те же песнопения в разных формах нотации, но ориентировали при этом на тот тип, который им был известен в древнейших русских певческих книгах.

При тогдашнем состоянии фототехники сотни снимков невозможно было сделать, проявить, напечатать и классифицировать без посторонней помощи. В Королевской библиотеке Вены, где имелись некоторые важные источники, экспедиции помог кузен А. В. Преображенского, диакон русской посольской церкви Петр Преображенский. На Афоне очень большую помощь экспедиции оказывала братия русского Пантелеимонова монастыря во главе с его настоятелем. Самые близкие отношения сложились у Смоленского со знаменитым библиотекарем Пантелеимона о. Матфеем (Ольшанским), который настолько заинтересовался задачами экспедиции, что нарушил свой пятилетний затвор и отправился вместе с учеными в Лавру св. Афанасия. Впоследствии он помогал разбирать фотоснимки, а после отъезда экспедиции следил за продолжением заказанного участниками экспедиции дополнительного фотокопирования (его исполнял монастырский фотограф о. Гавриил) и продолжал выявлять в разных собраниях (не только на Афоне) рукописи, пригодные для достижения поставленных целей.

По возвращении в Петербург Смоленский и Преображенский долго занимались классификацией афонских снимков; Смоленский несколько раз выступал с информационными сообщениями на заседаниях ОЛДП. Сделали они и некоторые научные выводы, однако их точки зрения на привезенный материал принципиально разошлись.

В декабре 1907 года оба ученых прочли в ОЛДП развернутые доклады. Выступавший первым Преображенский утверждал, что материалы Афонской экспедиции впервые дают возможность установить — на основании документов — непосредственную зависимость русского церковного пения от пения Греческой церкви: настолько значительно открывшееся сходство этих невматических манускриптов.

Смоленский же продолжал говорить о русской самобытности, по крайней мере в текстах, «роспетых русскими певцами»: последние песнопения, хотя бы отчасти и изложенные по греческим образцам и греческими знаками, следует рассматривать как первый «лепет» русского церковно-певческого творчества: таковыми надо считать певчие службы русским святым кн. Борису и Глебу, Феодосию Печерскому и др., имеющиеся почти во всех наших певчих рукописях XII века.

Конечно, ученые не думали, что привезли тысячи снимков только для себя: Смоленский неустанно повторял, что цель экспедиции — обеспечить будущее русской науки. Судя по докладам в ОЛДП и переписке Смоленского, первым итогом изучения афонских снимков должно было стать гектографическое издание «Каталога песнопений, оказавшихся в греческих (на Афоне и в Вене) певчих рукописях, снимки с коих доставлены экспедицией 1906 года, равно и оказавшихся в русских древнейших рукописях». Работа над Каталогом была начата, но затем обстоятельства сложились так, что в течение 1908 года Смоленский и Преображенский с головой погрузились в дела организованного ими же Регентского училища, которое в материальном отношении бедствовало и требовало ежедневных забот. С весны 1909-го года Смоленский чувствовал себя плохо, но продолжал преподавать в училище и после окончания занятий поехал в Москву на Регентский съезд, где неоднократно выступал с лекциями. По дороге из Москвы в Казань он был вынужден сойти с паро-

хода в Васильсурске, где жила его любимая тетушка Е. С. Ильминская, и через несколько дней скорострительно скончался.

Преображенский, который наследовал Смоленскому и в делах по Регентскому училищу, и в деятельности ОЛДП, выпустил в свет почти законченную «Граматику» Николая Дилецкого, над которой долго работал Смоленский; с помощью Преображенского еще ряд неопубликованных работ Смоленского появился на страницах «Русской музыкальной газеты», «Хорового и регентского дела» и других изданий. Однако Каталог Афонской экспедиции не был опубликован. Преображенский, напечатав в 1909 году в «Русской музыкальной газете» свой доклад, обратился в следующий раз к афонским материалам и своим мыслям о них только в 1920-х годах; результатом явились небольшая статья в альманахе «De Musica» и некоторые страницы книги «Культурная музыка в России» (приведены в седьмом томе). Антонин Викторович Преображенский скончался в 1929-м году, и далее привезенные экспедицией материалы оказались на долгое время никому не нужными, а потом погребенными в неразобранных архивных фондах. И только в последние годы к материалам Афонской экспедиции начал проявляться интерес.

Результаты архивных поисков, приведшие к открытию почти полной коллекции привезенных копий, излагаются во вступительной статье к седьмому тому. Были найдены и материалы незавершенного Каталога: планировалось, что он должен носить аналитический, сопоставительный характер с параллельным изложением инципитов греческих и древнерусских рукописей (все эти материалы использованы в инципитных таблицах, которыми сопровождается публикация негативов во второй книге седьмого тома).